

ПИСАТЕЛЬ романтической, публицистической манеры, Вл. Тендряков спокойно говорить не может: если крик, то во весь голос, если шепот, то оглушительный. Все на пределе, все на краю пропасти...

Можно принимать или, подобно В. Камянову, не принимать эту манеру, — нельзя не замечать ее, как нельзя не замечать пожарных машин, стремительных, ярко-красных, когда несутся они с пронизывающим воем к месту несчастья. Тревожная душа писателя бьет в набат, когда встречается с человеческим неблагополучием.

Вот и новая повесть Владимира Тендрякова такая же: затмение сперва лун-

молодая семья — рушится для Павла Крохалева основа основ. «...Не странно ли, — напряженно размышляет он, — что даже я и Майя в чем-то не можем договориться, два любящих человека! А как тогда договориться между собой миллиардам?..» Именно так! За судьбами двух людей — судьбы мира, ни больше ни меньше!

Нечасто поднимаются до таких обобщений в повестях и романах о любви!

Впрочем, взгляды в героиню повести — Майю Шканову, впоследствии Крохалева. Почти фельетонно (в этом уязвимость образа) написана эта взбалмошная девчонка, ничего не желающая знать, кроме своих «хочу». «Хочу ви-

мир подарил!.. Нет, нет теперь у меня сомнений — мол, живу не зная для чего, без толку!.. Я... теперь не одного люблю, я весь мир люблю...»

Кто усомнится в страстной искренности ее? Кто назовет иждивенкой? И... кто поверит в подлинность лихорадочно-истеричного счастья ее?

Но разве в повести неблагоприятна судьба одной лишь Майи? Разве не затмение — вся неприкаянная жизнь Зульфии Козловой, которая промелькнет в повести, оставив как недобрую эстафету после себя знакомство Павла Крохалева с Гошкой Чугуновым? А разве счастлив в семейной жизни профессор Лобанов — учитель Крохалева? Да

Отец Майи, человек строгий, привыкший к определенности долга, гневно спрашивает у своей дочери: «Ты ли у нас такая уродилась — легкий пар вместо души, или время нынче дурное — человек с человеком ничему не крепится? Ну, не пойму! Не пойму!» Не об этом ли вся повесть, все размышления героя-рассказчика? «Как разединены люди друг с другом! Какие непроходимые овраги лежат между нами... Нет простой и легкой дороги от человека к человеку. Каждый из нас — крепость с поднятыми мостами». «Господи! Как непрочно мы все привязаны друг к другу!»

Откуда эта непрочность? Как сцепить людей между собой? Что можно противопоставить этому разединению? Приятель Майиною отца с солдатской прямою заявляет: «И в семье единая воля нужна. Да! Авторитет! Без авторитета как в семье, так и в государстве кар-ру-сель!» Но довольно ли этого рецепта для преодоления разобщенности?

Путь к единению, к дружеству людей писателю видится в трудном и сложном пути вызревания личности, для которой нет разделения мира на жизнь личную и жизнь общественную.

Может быть, в этом и слабость главного героя, умного, честного и трудолюбивого парня — Павла Крохалева, что, став личностью на работе, он пока еще не сумел подняться до этого уровня в жизни личной, интимной? Недаром обретенный им с Майей уют начинается с безобидной вроде бы фразы: «Задерни шторы». Но ведь у Тендрякова нет «безобидных» фраз, как нет и незначительных мелочей. И фраза сейчас же конкретизируется, разрастается в образ отчуждения от мира: «Верно! Через окно к нам рвется внешний мир — наш город, столь же шумный, как и остальные города на свете, в нем разные люди переживают разное. Потом мы вернемся к ним, станем жить среди них, вместе с ними радоваться, вместе с ними сострадать. Потом... Сейчас у нас свое, и мы им ни с кем не желаем делиться». Эти слова автор не выделял и не подчеркивал. Но, может быть, именно с них началось разрушение счастья Павла Крохалева? И это предположение вырастает в уверенность, когда вспоминаешь, что и к Чугунову Майя ушла именно потому, что там, как ей показалось, она будет нужна не кому-то одному, но всем людям.

Да, такая человеческая природа! Она не выносит разединенности, половичности. Живое неделимо. И когда его принимают, делят или развивают одно-сторонне, оно бунтует и мстит, как взбунтовалось оно в десятиклассниках из

«Ночи после выпуска» — милых ребятах и девушках, которых научили разбираться в элементарных частях и не научили элементарным правилам жизни среди людей.

Одна из лучших статей, написанных о творчестве Тендрякова, появилась пятнадцать лет тому назад и называлась «О пользе общей идеи». Автор ее, уверен писателя, что недостает ему «общей идеи», не думал, наверное, что упрек этот, несправедливый по отношению к Тендрякову, придется в пору нынешним героям его: им действительно недостает этой общей идеи, и что еще важнее, они мучаются отсутствием ее, мучаются до немоты, до судорожных всхлипываний, все больше сознавая, что нет жизни человеку, идеи лишенному. Может быть, именно поэтому все меньше в произведениях писателя остается на долю пейзажа, густого и плотного, на долю просто описаний, но все чаще его повести содержат будто бы стенограммы диспутов, яростных и напряженных, становятся все более диалогичными.

«Неаналитический», каким его считают иные критики, Тендряков все чаще выходит за рамки своих сюжетов потому, что сами сюжеты для него всего-навсего частный случай всемирных проблем. Аналитичность его последних повестей в этом расширении круга повествований за счет параллельных линий, картин, за счет авторских отступлений, где прямая публицистика, образы, факты, рассуждения, сопрягаются между собой, выводят читателя к широкому раздумью не только о поведенной ему житейской истории.

Именно отсутствие общей идеи является одной из причин странной рефлексии Павла Крохалева, которому не достало сил своевременно выгнать Гошку Чугунова, а может быть, и вступить в бой за него самого. Но то, что писатель ведет своего героя к осознанию собственной слабости, обещает скорое ее преодоление. Можно лишь пожалеть, что некоторые издержки стиля Тендрякова помешали такому серьезному и вдумчивому критику, как В. Камянов, увидеть это движение писателя вместе с жизнью.

В судьбе Павла Крохалева произошло затмение. Полное. Беспощадное. Но в самой беспощадности этой нам, читателям, чудится залог скорого просветления. Потому что беспощадно правдиво о своей слабости, о боли своего времени можно писать и говорить только тогда, когда всеерьезно уверен, что «затмения» переходящи». В этой беспощадной правдивости видится мне оптимистичность нравственной правды новой повести Владимира Тендрякова.

Ал. ГОРЛОВСКИЙ

НЕТ, СТРАСТНОСТЬ ПОИСКА

2 МНЕНИЯ
о ПОВЕСТИ
Вл. ТЕНДРЯКОВА
«ЗАТМЕНИЕ»

ное, затем духовное. И — рушатся в пропасть любовь, счастье, семья, и нет ниоткуда спасения. И все странство повести до отказа забыто спорами, исповедями, идейными схватками, проблемами.

Но удивительным образом все эти проблемы, такие разнообразие и разно-масштабные, «рифмуются» с одной и той же, которая предстала еще в первых повестях Тендрякова и которая не оставляет его ныне: что человеку для счастья надо? И если вначале казалось писателю (или его критикам), что все дело лишь в том, чтобы убрать какие-то внешние препятствия с пути героев, то с каждой новой повестью становилось яснее, что проблема эта значительно глубже и нет такого единого ответа, который решил бы ее полностью и окончательно.

Удивительно прост и даже тривиален сюжет «Затмения» — горестной исповеди Павла Крохалева о том, как искал, как нашел и как потерял он Ту, Единственную, о которой мечтал всю жизнь и без которой не представляет самого себя. Уходит его Майя, и мир погружается в темноту затмения.

Взволнованный, до напряжения высокий голос героя то и дело срывается в голос автора, тот самый, что двенадцать лет назад, заглушив свою героиню, воззвал к читателям: «Люди добрые, ратуйте! Спасите Настю!» Теперь его «SOS!» о всех людях. Ведь гибнет не просто еще одна

деть! — с этими словами возникает она в повести, с ними проходит через нее. Легче легкого свести все затмение только к ее сумасбродству, во всем обвинив только ее, тем более, что оснований для этого предостаточно: избалована, ничего не умеет, неумна, легковерна, поверхностна, несостоятельна даже как специалист...

Но Тендряков не был бы Тендряковым, если бы, выдвигнув как будто абсолютно правильный тезис, не стал бы с такою же убедительностью и искренностью его опровергать (вот она, тендряковская аналитичность, которую в пылу полемики не заметил В. Камянов, — исследовать предмет всесторонне!).

Разве Майка не хотела искренне и глубоко быть полезной? Разве не альтруистка она? Разве бежит она от неустроенности в обеспеченный быт? Совсем наоборот! Ей, оказывается, нужно быть **нужной, быть**, а не существовать! Она и к Павлу Крохалеву пришла потому, что поверила, что может стать его «катализатором», и ушла потому, что почувствовала: не нужна. И к странствующему проповеднику Гошке Чугунову потянулась потому именно, что уверена: тому она необходима, того она сделает счастливым: «...ушла от тебя не просто потому, что сильнеею полюбила другого... Сменять человека на человека — и только-то?! Мало! Мало!.. Пойми, для меня не он один главное, а все, что вокруг него... Он мне другой

и сам Павел тоже повинен в своей трагедии: слишком непрочен он в своих человеческих связях. Недаром так замедленно-тягуча его реакция на подлое предложение выступить против своего научного руководителя, недаром его товарищи по работе, его лаборатория пройдут перед читателем только неким фоном семейной трагедии.

Тендряков верен себе: как бы ни упрекали его за пристрастие к немотивированным поворотам сюжета, но он вводит в повесть еще и тривиального мошенника Гошку Чугунова — современник вариант горьковского Луки, — который паразитирует на человеческой отзывчивости и доброте, на тяге к братству, единству, любви.

Мне видится в этом не столько усложнение и драматизация повествования, сколько полемика автора с прежним собой. Прежде интересен был Тендрякову сам человек в конфликтной ситуации: как поведет он себя, как раскроется? Но с годами все напряженнее писатель вглядывается в сами ситуации: как, отчего они возникают? Странствующий проповедник Гошка Чугунов мог бы и не появиться в повести, разлад в жизни героев и без него неизбежен. Слишком хлипкий и незначителен Гошка со всей своей философией, чтобы стать причиной серьезных трагедий. Все эти чугуновы, как и преуспевающий аспирант Лева Рыжов, — всего-навсего плесень, паразитирующая на разобщенности людей.